

АКУСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ КОММУНИКАЦИИ С МИРОМ МЕРТВЫХ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ УДМУРТОВ

В статье на основе полевых материалов и опубликованных источников рассматривается один из приемов акустического способа коммуникации с миром мертвых – вербальные формулы. На примере традиционной культуры удмуртов определена их специфика, функциональная значимость, семантика, а также произведена попытка структурного анализа словесных текстов.

Ключевые слова: акустический код, коммуникация с миром мертвых, коммуникант, мир мертвых, традиционная культура удмуртов.

В традиционном мировосприятии вера в посмертное существование предполагает существование иного мира. Отношение живых к миру мертвых в таком случае определяется понятием культа предков, подразумевающее различные ритуальные, ментальные и вербальные формы почитания. Представления о потустороннем мире и способности его воздействия на мир живых выстраивают в народном мировоззрении целую систему взаимоотношений с представителями «того света». Более того, по определению С. М. Толстой, «<...> вся традиционная культура ориентирована на потустороннюю перспективу, каждый обряд и каждый конкретный ритуальный и ритуализированный акт поведения <...> предусматривает общение с «тем» миром, узаконенное прерывание границы, отделяющей живых от мертвых; подлинный адресат ритуала <...> всегда принадлежит иному миру» [Толстая 2010: 260].

В данной статье нами будут рассмотрены акустические способы коммуникации с миром мертвых на примере традиционной культуры удмуртов. Основное содержание работы представляет собой анализ акустических акций, касающихся установления контакта с потусторонним миром. Анализируя акустический код, мы будем учитывать и другие коды (атрибутивный, персонажный, темпоральный, пространственный и т. д.), которые между собой тесно взаимосвязаны. Однако, прежде всего нас будет интересовать конечный результат издания звука посредством различных предметов и персонажей – функциональная значимость, семантика и символика.

К звуковым способам коммуникации с миром мертвых можно отнести следующие основные приемы: *вербальные формулы, ритуальный диалог,*

песенно-музыкальные приемы, шум, шептание, крик, молчание, стук и т. д. В виду ограниченного объема статьи нами будет рассмотрен лишь один из наиболее ярких приемов – вербальные формулы.

Особый статус партнеров по коммуникации требует особо выстроенной вербальной формулы, необходимой для успешной трансляции информации. По функциональному назначению можно выделить ритуальные иokkaзиональные словесные формулы, имеющие устную форму. К наиболее ярким вербальным конструкциям ритуального характера относятся те, которые встречаются в похоронно-поминальной обрядности. Адресантом, сообщаемся с иным миром, такая конструкция создается импровизационно. Текстовое содержание и его организация зависит от определенного этапа и цели обрядовой акции, а также от того, является ли коммуникативный процесс аксиальным либо ретиальным. При аксиальной коммуникации передача сообщений предполагается конкретному приемнику информации – в контексте контактирования с миром мертвых, конкретному усопшему. Сюда можно отнести вербальные обращения во время похорон, частных поминок на *куишь уй* ‘три ночи’ (здесь и далее дается буквальный перевод), *сизьым уй* (‘семь ночей’), *ныльдон уй* (‘сорок ночей’), *ар уй* (‘ночь годовщины’) и поминального жертвоприношения покойному родителю *йыр-пыд сётон* (‘жертвование головы и ног [животного]’). Во время похорон текст сообщения имеет в основном следующее содержание: горечь об утрате человека, упреkanie в преждевременной смерти, благопожелание на счастливый путь в иной мир и прочее. Во время частных поминальных церемоний вербальная формула уже имеет более выстроенную структуру, сопровождаемую невербальными действиями. Следует отметить, что детям, молодежи и беременным женщинам участвовать в подобных коммуникативных актах запрещается. Однако, одна информантка сообщила, что в д. Варклед-Бодья Агрызского района Республики Татарстан дети с наставления взрослых принимают участие в *куяськон*’е (обычае ритуального «кормления» умершего), если покойный является примерно одного с ними возраста [ПМА, 2014а]. В самом начале поминального текста обращаются к покойному по имени либо его социальному статусу (мать, отец, тетя, бабушка и т. д.), далее – запрограммированная информация желаемых условий сосуществования. В завершении *куяськон*’а адресант подносит к губам поминальную еду-питье и со словами «*азяд мед усёз*» (букв. ‘перед тобой пусть упадет’) пробует ее. Т. Г. Владыкина выражение «*азязы усъкытыны [пересьёслэн]*» (букв. ‘перед [умершими предками] уронить’) определяет как «устойчивую формулу календарно-обрядового этикета, которая означала необходимость кормления душ предков независимо от определенных календарных сроков. <...> Формула была обязательной в молитвенном заклинании <...>, сопровождающем жертвоприношение умершим предкам» [Владыкина 2013: 35]. Любопытный факт сообщила информантка из д. Калашур Киясовского района УР: *Куюськем бере «азяд мед усёз» шуэм сяна, «иназ мед мыноз» шуыны кулэ на. Ато озьы оgez вóтам, пе. Кулэм апайзэ адже, пе, но, азяз олокыче*

но сион-юон усе, кияз кутэмез уг лу, пе. Озыы уд вераськы ке, куяськем иназ уг лу ни. 'После куяськон' а, кроме слов «перед тобой пусть упадет», нужно сказать «на пользу пусть пойдет». Иначе одной приснилась [покойная], говорят. Видит умершую сестру, поговаривают, да, перед ней разные яства падают, в руки поймать не может, говорят. Если так не говоришь, куяськон становится не на пользу' [ПМА, 2008]. Аналогичные фразы специального назначения имеются у бесермян: *Аяз мед усёз* 'Пусть перед ним упадет' / *Аяз мед луоз* 'Пусть перед ним будет' [Попова 1998: 196], у мари: *Шужо!* 'Пусть дойдет!' [Кузнецов 2009: 114; Ямурзина 2011: 162], у чуваш: 'Пусть будет перед тобой...' [Салмин 2007: 264–265, 271]. Отсюда получаем условно-универсальную модель вербальной формулы: «(Имярек/социальный статус умершего) + просьбы и пожелания + аязд мед усёз, иназ мед мыноз», которая гарантирует успешность доставки информации и посылаемых даров при аксиальной коммуникации. В обряде *йырныд сётон* завершающая часть формулы может включать дополнительную фразу «*кияд-пыдад кут(-ылы)*» 'в руки-ноги прими'.

При множестве вероятных адресатов возникает ретиальная коммуникация. Данный вид вербального контакта характерен для общих поминок годового цикла, обряда жертвоприношения *чекан*¹, а также отдельные ритуальные

Поминание покойного на *сизыым уй* (букв. 'семь ночей') на кладбище. Фото Н. В. Анисимова ПМА, 2014 г., д. Дубровский, Киясовский р-н УР

¹ Обряд поминального жертвоприношения покойным предкам рода, умершим на чужбине и не захороненным на деревенском кладбище, а также умершим неестественной смертью. Ритуал проводится раз в четыре года, чаще всего в високосный год. В настоящее время бытует лишь в родственных дд. Калашур и Дубровский Киясовского района Удмуртской Республики.

праздники, когда обращаются к покойным предкам. Текст сообщения при ретиальной коммуникации, также как при аксиальной, несет информацию о предмете речи, сведения об интенциях адресанта, информацию, побуждающую к нужной ответной реакции получателей (получателя при аксиальной). Отличительной особенностью этих поминальных обращений является наличие словесной формулы-восклицания «*чеке/чөке/чоко, пересьёс...*» («*чеке/чөке/чоко, старики...*»), с которой начинается вербальная коммуникация. На сегодняшний день смысл слова утрачен. Кроме того, по личному наблюдению автора статьи и сведений респондентов, сами информанты довольно часто опускают это слово при поминальных обращениях к предкам. В некоторых случаях значение слова респондентами подменяется ложным понятием. Так, в д. Старая Салья Киясовского района УР зафиксированы две народные этимологии относительно термина *чеке*: 1. Одна информантка утверждает, что «*чеке пересьёс*» («*чеке старики*») говорят, когда обращаются к предкам, не имевшим детей, поэтому их поминают в самом начале обращения, чтобы те не остались без внимания [ПМА, 2014а]. 2. Согласно мнению местного краеведа С. С. Вахитова, удмурты д. Старая Салья поминальное обращение начинали со слов «*Чөлке персянос, персянос!*» («*Чөлке бабушки, дедушки!*»). Краевед, ссылаясь на сведения своих респондентов, утверждает, что *Чөлке*¹ – это название рода первопоселенцев, поэтому *куяськон* всегда начинался с их поминания [Вахитов 1997: 37]. Еще в XIX веке на этот вербальный компонент обратил внимание исследователь М. Бух, который переводил данную фразу как «духи/души старых покойников». М. Бух отмечает, что, обращаясь к конкретному усопшему, «вместо обращения «чөке пересьёс» называют имя покойного, которое он носил при жизни» [Бух 1882: 185]. По мнению удмуртского фольклориста Т. Г. Владыкиной, *чеке* является обязательным началом поминальной молитвы, которое означает «словесную формулу-восклицание, дублирующую акциональный сигнал вызывания душ предков с помощью постукивания обычной палкой или деревянным молотком-чекмарем» [Владыкина 2011: 137; Владыкина 2013: 35]. По утверждению исследователя, этимология слова восходит к тюркским языкам, при этом «удм. *чектыны, чектон* в знач. «предлагать что-л., предложение в обычной ситуации» возникло, по-видимому, из первоначального значения «предлагать жертву/ жертвовать» [Владыкина 2011: 138]. Подтверждение этому служит чувашский обрядовый фольклор, в котором термин *чүк* означает «жертвоприношение/жертвенное моление». Так, в чувашском обряде от градобития, «один из стариков произносил слова молитвы, а другие после каждого оборота речи повторяли: «Чүк, довольствуйся»» [Салмин 2007: 8, 47]. У алтайцев *чёёк* – словесное жертвоприношение, сопровождающееся ритуальным движением [Ямаева 2002: 19].

¹ Возможно, этот термин связан с другим – *чөлтиськон*, который в традиции удмуртов Закамья обозначает ритуальное «кормление» усопших [Садиков 2008: 164, 165, 171].

В обрядовой культуре удмуртов ритуальное значение термина *чек* сохраняется в номинации обрядов: *чекан*, *чекаськон*¹, *чокморскон/чокморьяськон*² и т. д. Сюда же, по-видимому, можно отнести термин *чук*, обозначающий в удмуртском языке лоскут ткани как жертва божествам³. Отсюда можно утверждать, что термин *чеке/чөке/чоко* указывает на акустическую провокацию для принятия жертвоприношения духами предков. Можно также предположить, что данное слово изначально имело специальное назначение, отражающее процесс жертвоприношения покойным, которое должно было разграничиваться от других терминов, используемых при жертвоприношении высшим божествам.

В итоге вырисовываются следующие условные вербальные модели ретиальной коммуникации: 1. «*Имярек/социальный статус умерших*) + *просьбы и пожелания* + *чеке/чөке/чоко, пересьёс, азяды мед усёз. Иназ мед мыноз* (чеке/чөке/чоко, старики, (букв. 'перед вами пусть упадет'). В пользу пусть пойдет)»; 2. «*Чеке/чөке/чоко, пересьёс/персянос-персятос* (чеке/чөке/чоко, старики/бабушки-дедушки) + *просьбы и пожелания* + *азяды мед усёз, иназ мед мыноз*». 3. «*Чеке/чөке/чоко, пересьёс/персянос-персятос* (чеке/чөке/чоко, старики/бабушки-дедушки) + *азяды мед усёз, иназ мед мыноз + просьбы и пожелания*».

Закамские удмурты во время общих родовых поминок, когда приносят кровную жертву умершим предкам, говорят: «*киды-пыдды борды басьтэлэ*» 'приберите к своим рукам-ногам' [Садиков 2008: 165].

Наиболее разнообразными являются окказиональные вербальные формулы, которые возникают при экстренных случаях, когда необходимо контактировать с миром мертвых. На основе сведений из научной литературы и полевых материалов автора было выявлено множество событийно-ситуативных аспектов возникновения коммуникации с потусторонним миром: беспокойство живых душами умерших; нахождение в «локусах смерти»; болезнь живых; засушливый период; окказиональный обряд вызывания души новорожденного; выход на дальнюю дорогу или путешествие; поиск транспорта; уход на военную службу и т. д. В зависимости от адресованности сообщения коммуникативный процесс может быть аксиальным или ретиальным, иначе говоря, как говорилось выше, структура текста выстраивается в зависимости от направления послания либо конкретному адресату, либо неопределенному. В виду большого разнообразия окказиональных

¹ Об этом ночном молении удмуртов упоминает исследователь национальной культуры народов Поволжья М. Т. Маркелов, которое ему удалось наблюдать во время экспедиции в д. Нижние Юри современного Малопургинского района Удмуртской Республики в июне 1930 г. [Маркелов 2009: 96]. Примечательно, что обряд чекан удмуртов Киясовского района (соседнего района) также проводится в июне, но в дневное время суток, хотя, возможно, это уже более поздняя трансформация.

² Обряд ряженья.

³ Подр. см.: [Владыкина, Глухова 2011: 139].

коммуникаций с миром мертвых, рассмотрим лишь два примера, когда возникает аксиальная и ретиальная коммуникация.

Когда покойный постоянно беспокоит и снится, удмурты совершают *сьёрланы/берланы куяськон* (букв. 'бросание/отдаривание за спину') – бросают кусочки еды через левое плечо, обратившись спиной в сторону запада, кладбища либо непосредственно на самом кладбище. По замечанию информантов из д. Старая Салья Киясовского района УР, обращаться к назойливому усопшему нужно громко и осуждающе, с использованием матерной брани [ПМА, 2014б]. Использование экспрессивной лексики в виде матерной брани Б. А. Успенский трактует тем, что «матерная брань изгоняет нечистую силу из человеческого <...> видимого мира в ее «нечистое» пространство, т. е. к себе «домой»» (цит. по: [Штейнгольд 2006: 49–50]). Однако здесь следует учесть, что матерная лексика в культуре удмуртов является поздним явлением и наиболее архаической надо считать коммуникацию с потусторонними существами именно умиловительного характера.

Веруя в могущество и силу покойных предков, удмурты к их помощи обращаются даже во время поиска транспорта. Информантка из д. Гурезь-Пудга Вавожского района УР рассказала о том, что когда находишься в пути и хочешь быстро найти транспорт, нужно обратиться к покойным предкам своего рода. Для этого нужно что-то из еды положить на восточную сторону дороги и называя имена умерших своего рода просить их о помощи: *(Имярек усопших). Мон сюрес вылэ потэмьн но... пудэн. Мыным кёче ке но транспорт мед сюрюз, пересъёсы. Каньыл-капчи мылкыдын юрттэ мыным, (имярек умерших).* '(Имярек умерших). Я на дорогу вышла да... пешком. Пусть мне попадетсЯ какой-нибудь транспорт, старики мои. С добрым настроем помогите мне, (имярек умерших)' [ПМА, 2013].

В виду недостаточного материала и текстов окказиональной коммуникации с миром мертвых, сложно схематизировать наиболее частотную вербальную формулу. Однако эти данные являются довольно ценными в исследовании роли культа предков у удмуртов и формулы сосуществования мира живых и мира мертвых.

Таким образом, можно сказать, что в традиционной культуре удмуртов большое значение уделяется взаимоотношениям между миром живых и миром мертвых. При коммуникации с миром мертвых особая роль придается акустическому способу, а именно вербальным формулам. В подтверждение этого можно привести различные устойчивые (специальные) фразы, сориентированные на целенаправленное воздействие на усопших в ожидании нужной ответной реакции. По мнению Е. С. Новик, «общая стратегия этих реплик призвана обеспечить достижение собственной цели путем передачи партнеру такой программы, которая побуждает его на ответную реакцию» [Новик 1994: 150]. Кроме того, словесные тексты отражают представления удмуртов о мироустройстве и этнические стереотипы поведения в социуме и религиозной системе.

До сих пор у удмуртов бытуют различные вербальные формулы, которые используются при соприкосновении двух оппозиционных миров. Следует лишь добавить, что эти формулы под влиянием мировых религий подвергаются определенной трансформации, а иногда и вовсе забываются. Но процесс трансформации только доказывает «живучесть» традиции и ее культурное развитие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вахитов С. С. Удмурт календарь // Вестник Удмуртского университета. Этническое возрождение удмуртов: истоки, проблемы и пути решения. – 1997. – № 8. – С. 33–39.

Владыкина Т. Г. Поминальные обряды удмуртов: явное и неочевидное // Народная культура в слове и тексте: сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. – Сыктывкар: Изд-во СыГУ, 2013. – С. 32–37.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: Обряды и праздники удмуртского календаря. – Ижевск, 2011. – 320 с.

Кузнецов С. К. Святые. Культ предков. Древняя история. – Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, ГУП РМЭ «Марийское книжное издательство», 2009. – 704 с.

Маркелов М. Т. Историко-этнографический очерк удмуртов // Избранные труды / Поволж. центр культуры финно-угор. народов; [сост.: О. В. Дулкин и др.; редкол.: Р. Н. Бусарова и др.]. – Саранск, 2009. – С. 78–96.

Новик Е. С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти Сергея Александровича Токарева / Сост. В. Я. Петрухин. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – С. 110–163.

ПМА, 2008 г. – Полевые материалы автора. Зап. от К. П. Камашевой, 1940 г. р. УР, Киясовский р-н, д. Калашур.

ПМА, 2013 г. – Полевые материалы автора. Зап. от А. К. Щеткиной, 1927 г. р. УР, Вавожский р-н, д. Гурезь-Пудга.

ПМА, 2014а г. – Полевые материалы автора. Зап. от Р. И. Петуховой, 1956 г. р. УР, Киясовский р-н, д. Старая Салья.

ПМА, 2014б г. – Полевые материалы автора. Зап. от З. Ф. Куликовой, 1954 г. р.; А. Н. Куликова, 1948 г. р. УР, Киясовский р-н, д. Старая Салья.

Попова Е. В. Похоронно-поминальные обряды // Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е годы XX вв.). – Ижевск, 1998. – С. 170–207.

Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). – Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. – 232 с.

Салмин А. К. Система фольклорной религии чувашей. – СПб.: Наука, 2007. – 605 с.

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 368 с.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Избранные труды. – Т. II. – М., 1994. – С. 53–128.

Штейнгольд А. Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. – 202 с.

Ямаева Е. Е. Духовная культура алтайцев: Миф. Эпос. Ритуал: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: МАЭ РАН, 2002. – 42 с.

Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории обрядов перехода (на примере восточных мари). – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. – 219 с.

Buch M. Die Wotjaken. Eine ethnologische Studie. – Helsingfors, 1882. – 189 s. (Бух М. Вотяки. Этнологическое исследование / Пер. с нем. А. Н. Маркина. – Ижевск, 1991. Рукопись).

N. V. Anisimov

Acoustic Ways of Communication with the World of Dead in the Udmurt Traditional Culture

The subject of this article is an acoustic communication with the world of the dead in the Udmurt traditional folk culture. On the basis of field data and materials from published sources the article concentrates on verbal formulas of the Udmurts addressed to the dead. Different features, functional peculiarities and semantics of formulas are analyzed. An attempt of structural analyzing of verbal texts is made.

Keywords: acoustic code, communication with the world of dead, communicator, world of dead; traditional culture of the Udmurts.